

Он перевернулся, прижав Тао Ци под собой. Его голос звучал так мягко, словно взрослый, рассказывающий ребёнку сказку на ночь, в нём была какая-то чарующая, трогательная прелесть.

— Почему тебе нехорошо? Ци Ци, тебе не нравится это чувство?

Расстёгнутая рубашка Хо Ли открывала рельефные мышцы живота, которые покачивались перед глазами Тао Ци.

— Нет... не не нравится. — В прошлой жизни Тао Ци не знал, что такое любовь. Он спросил Хо Ли: «Но я же тоже люблю маму, и папу, и Эр Мао, и...»

А Хо Ли твёрдо и нежно объяснил:

— Потому что тот, кого ты любишь больше всех, — это Хо Ли. Только он может дать тебе это чувство. Если кто-то другой даст тебе такое же чувство, значит, он хочет тебе навредить.

Тао Ци, хоть и не понимал, что значит «любить больше всех», уяснил: это чувство может дать ему только Хо Ли, поэтому не надо бояться и сопротивляться.

В словесных ловушках и нежности Хо Ли Тао Ци потерпел поражение в его руках, погрузившись в удивительный стыд, который тот ему дарил.

Как и сейчас: Тао Ци приоткрыл рот и выдохнул слова, которым научил его Хо Ли в прошлой жизни:

— Хо Ли, это чувство может дать мне только ты.

Эти слова для Хо Ли, без сомнения, были самым страстным приглашением, прекраснее любой любовной речи в мире.

Ты нужен мне.

— Ци Ци, тот, кого ты любишь больше всех, — это я, верно?

Услышав такой вопрос Хо Ли, Тао Ци замолчал. Он не знал.

— Только Хо Ли может дать мне это чувство.

Тао Ци не произнёс заветных слов вслух. В глазах Хо Ли мелькнуло лёгкое раздражение. Он поднял руку, погладил щёку Тао Ци и мягко спросил:

— Ци Ци, любишь ли ты меня?

— Не знаю... — Голова Тао Ци кружилась, он не мог отличить реальность от иллюзии. Из памяти всплыло: если не ответить, Хо Ли очень разозлится, как в прошлой жизни, и навсегда покинет его. — Только не злись.

— Ци Ци, хороший мальчик, я не злюсь, — сказал Хо Ли.

— Не злишься — и хорошо... Ты нужен мне, больше всех нужен...

Тао Ци, со слезами на глазах, говорил тихо и мягко, словно сладкая вата, стучащаяся в сердце Хо Ли. Этот молящий об утешении вид был таким послушным.

Он рос точно в том направлении, какое было идеалом для Хо Ли.

Тао Ци инстинктивно беспорядочно прижимался к Хо Ли, изредка издавая прерывистое дыхание, словно нечаянно выдавая своё волнение, которое пытался сдержать.

— Самопришедший маленький глупыш. — Внезапно голова Хо Ли заболела, в сердце возникла тупая боль, в сознании мелькнули странные фрагменты.

Картинки в этих фрагментах были странными — другой Тао Ци, послушный и холодный, который лишь почтительно общался с ним, почтительно называл «Хо Ли» и отвергал его ласки.

Увидев это, Хо Ли почувствовал в сердце гнев, хотя не понимал, откуда он взялся.

— Хо Ли... Хо Ли, мне нехорошо...

Мягкий, плачущий голос вернул мысли Хо Ли. Фрагменты в сознании прервались. Хо Ли попытался ухватиться за них, но ничего не смог поймать, лишь почувствовал в сердце горечь и невыразимую печаль.

Возможно, это снова приступ болезни, раз появились галлюцинации.

Хо Ли, придя в себя, посмотрел на лежащего на нём Тао Ци, поднял руку, погладил его по голове и тихо, нежно спросил:

— Ци Ци, как ты хочешь, чтобы я тебе помог?

Тао Ци, растерянный, по инстинкту прижался к Хо Ли, а тот снова и снова тихо спрашивал его.

— Рукой или ртом...

Непристойные слова, произнесённые Хо Ли, лились, словно ручеёк, свято и чисто, будто он читал стихи, изящно и элегантно.

— Или тем, что похоже на тебя.

Хо Ли повторил вопрос. Тао Ци, подавив стыд и негодование, со слезами в голосе сказал:

— Рукой...

Хо Ли вздохнул, разочарованный выбором Тао Ци. Этот ребёнок всё ещё оставался разумным, не превратился в распутника.

— Рукой...

— Рукой что? — тихо спросил Хо Ли.

— Хочу, чтобы ты помог мне рукой, — взмолился Тао Ци. Эти стыдные слова буквально раздавили всё его сердце.

— Как именно помочь рукой? — Хо Ли снова и снова спрашивал Тао Ци о деталях, до мельчайших подробностей, словно спрашивая садовника, как сажать этот цветок, откуда он взялся, как поливать, как ухаживать. Эти вопросы разрушили последнюю черту, именуемую разумом и моралью, в Тао Ци.

Тао Ци знал, что он уже потерял рассудок, даже безумно делая такой стыдный выбор. Он умолял Хо Ли прикоснуться к нему — такого не было в прошлой жизни.

В спальне становилось теплее, царили нежность и привязанность.

Росток из холодной почвы медленно пробивался наружу, купаясь в тёплом солнечном свете. Ему казалось, что о нём забыли, но на самом деле позади всегда был луч солнца, дающий ему питание.

Пережив разлуку и непогоду, росток шатался под ударами ливня, но всё же упрямо выпрямлялся.

Потому что кто-то ждал, когда этот росток окрепнет и превратится в яркий цветок, чтобы вместе с ним любоваться ветром и дождём.

Трагические воспоминания постепенно оседали, превращаясь в тёплый сахар, пропитывающий сердце.

Под руководством Хо Ли Тао Ци устало заснул, а кто-то сам себе создал проблемы.

Хо Ли смотрел мрачным, словно ядовитая змея, прячущаяся в тёмном углу, взглядом, весь окутанный тьмой. Он высунул язык, лизнул щеку Тао Ци, слизал слезу.

— Мой.

— Ты мой.

Жаль, Тао Ци этого не слышал. На его лице играл лёгкий румянец, на плотно сомкнутых веках сверкала полоска хрустальных слёз.

Спокойный, спящий вид был очень похож на прекрасную лилию, излучающую священный свет, который развеял тьму в сердце Хо Ли, принеся ощущение умиротворения.

— Я жду того дня, когда ты откроешься мне без остатка, сам расскажешь мне всё, — Хо Ли подавил порочный огонь, лёг рядом с Тао Ци, обнял его, поцеловал в сомкнутые глаза и тихо произнёс.

Самоконтроль и выдержка Хо Ли были необычайно сильны. Возможно, именно зная это, Тао Ци мог отбросить настороженность и спокойно оставаться с ним.

Во сне Тао Ци снова увидел сцену смерти Хо Ли. Тот одиноко стоял на мосту Найхэ, без конца повторяя:

— Ци Ци, я жду тебя уже очень давно.

— Я не заставлю тебя ждать слишком долго... — прошептал Тао Ци, прижимаясь к Хо Ли всё ближе и ближе. Хо Ли, почувствовав движение, открыл глаза, поцеловал его в нос и снова крепко уснул.

Всю ночь было тепло. За окном свистел холодный ветер. На курильнице у могилы благовония догорели, осталась лишь горстка пепла, но ещё теплился слабый огонёк.

На следующий день Тао Ци проснулся в объятиях Хо Ли, почувствовав в спальне непроветренный запах страсти. Лицо его мгновенно вспыхнуло, сознание прояснилось.

Он... он...

Он вчера плакал и просил ещё и ещё раз. Неужели этот развратник — он сам?

Хо Ли ещё не проснулся, по-прежнему крепко спал. На его лице застыла нежность, тонкие, слегка сжатые губы отливали обворожительным блеском.

Тао Ци протянул руку, осторожно коснулся этих губ. За этими губами скрывались самые прекрасные слова на свете.

Думая об этом, сердце Тао Ци дрогнуло. Он отдернул руку, остановив этот смелый жест. Румянец на лице распространился на шею, затем перетёк в озеро сердца, вызвав бешеное сердцебиение.

— Тук-тук-тук...

— Тук-тук-тук...

Внутри Тао Ци бешено стучало сердце. Его чёрные глаза беспомощно метались, но в конце концов взгляд снова вернулся к лицу Хо Ли.

Не мог оторваться.

— Только не просыпайся.

Только не просыпайся, не видь его в таком неловком положении, подумал Тао Ци.

Время шло минута за минутой, Хо Ли всё не просыпался. Тао Ци, обрадовавшись, собрался слезть с кровати и принять душ.

Смыть с себя улики.

Тао Ци осторожно отодвинул руку Хо Ли, с сожалением отвел взгляд от его лица, взял костыль, стоявший у изголовья кровати, и шаг за шагом направился в гостиную.

Найдя ванную и помывшись, Тао Ци достал из шкафа благовония и пошёл поклониться на могилу.

Совершив положенные «три поклона и три земных поклона», Тао Ци сел на землю и заговорил с могилой:

— Тётя Хо, я буду хорошо заботиться о Хо Ли.

— Хо Ли хоть и всегда улыбается, но в уголках его глаз всегда висит печальная туча. Хотя он и получил семью Хо, он совсем не счастлив. В душе он никому не верит, он одинок.

— Мне повезло, что в самое трудное время я встретил Хо Ли и заслужил его благосклонность. Но я был неразумен, всё время думал о свободе, хотел уйти от него.

— Уйти от того, кто создал для меня небо, кто заплатил за меня слишком высокую цену.

— Я наслаждался его добротой ко мне, его любовью ко мне, его поцелуями, его баловством, а в конце так и не сказал, что люблю его, чтобы он порадовался.

Листья на деревьях шелестели, сливаясь с тихим бормотанием Тао Ци, и лёгкий дым благовоний уносился вдаль.

<http://bllate.org/book/16323/1473431>